

Песни розового озера

18+

МАРТА МИЛОДАНОВИЧ

Марта Милоданович

Песни розового озера

<https://litres.ru/74617443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга цикла "Ла Манга". Прошёл год, и Арви Гота наконец живёт нормально. Пьёт таблетки по часам, не использует нейрошлем, берёт заказ за заказом и не думает о том, что ей делать со всеми знаниями, которые находятся в ее руках. Совсем не думает. Почти. Беда в том, что нормальная жизнь у капитана "Стрижа" выходит очень одинокой. Лучший друг увлечен собственным бизнесом, подруги перестали ждать её писем, а последний сон, в котором мама велела лететь на розовую планету, Арви старательно забыла. Но Рукав не любит тех, кто прячется. Новая спасательница, которую выгнали уже с пяти кораблей, тащит экипаж к чёрной дыре. Старые долги стучатся в шлюз. А путь почему-то раз за разом ведёт туда, где всё розовое, сверкающее и фальшиво прекрасное, на Сиваш. В мир соляных озёр, изумрудного неба и самой модной музыки во вселенной. Говорят, в безветренные ночи озёра Сиваша поют. Арви не хочет знать, о чём они поют. А ещё меньше она хочет знать, кто однажды выйдет из этой воды.

Содержание

1. Глава 1	4
2. Глава 2	17
3. Глава 3	30
4. Глава 4	43
5. Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марта Милоданович

Песни розового озера

1. Глава 1

Утренняя капсула лежала там же, где и год назад: в ящике над плитой, за жестянкой из-под соли. Соль Нури давно пересыпал в банку с крупной надписью, чтобы не путать с содой, а жестянку оставили, потому что за ней стоял пузырьрёк. Без пяти шесть Арви встряхнула на ладонь капсулу и две белые таблетки и подставила стакан под краник регенерата. Он отмерял воду по сто миллилитров, а вторую порцию она не нажимала никогда. Проглотила всё в один приём, глядя на часы над дверью. Шесть ноль-ноль. Пузырёк вернулся за жестянку этикеткой к стене.

На камбузе стояла скрипучая чистота, какая бывает только там, где ничего не готовят. Плита блестела, на крючках висели три половника, все три сухие. Арви выключила свет и пошла на мостик: в шесть двадцать «Стриж» выходил к узлу, и почта, которая весь четвёртый заказ копилась по чужим буферам, должна была свалиться на корабль разом.

* * *

Ксан устроился за пультом связи в той позе, в какой сидят люди, совмещающие две должности и не получающие за

вторую ни кроны: боком, одна нога на перекладине кресла, планшет с ремонтной ведомостью на колене.

— А у нас тут все сыплется, сыплется,— протянул он усталое, не оборачиваясь. — Тесса, кстати молчит, так что всё, что оттуда, шло лазером до соседнего узла и лежало там. Не удивляйся что даты будут странные. Капитанское я тебе сбросил отдельно.

— Много?

— Сто двенадцать. но это пока.— Он поскрёб ногтем край экрана, и счётчик тут же показал сто девятнадцать. — Страховая трижды, Дальняя служба со сводками, рассылка с Сольвейга. Накладки на охладители, кстати, опять подорожали.

— Спасибо, утешил, — хмыкнула Арви и забрала планшет к себе.

В каюте она разложила почту по степени важности. Сначала шло то, что можно удалить не читая: рассылки, напоминания о продлении лицензии (которую она, вообще-то, продлила ещё весной). Было там и предложение Узловых картелей насчёт льготного тарифа на ретрансляцию, такое щедрое, что от него хотелось проверить, на месте ли кошелёк. Потом — то, что нужно прочесть и забыть: страховая подтверждала выплату по рудовозу, а Дальняя служба благодарила за четвёртый заказ и прилагала оценку, в которой «Стриж» опять потерял полбалла за опоздание с отчётом. А опоздал он потому, что Арви писала его на обратном пути

ночью, когда узел был ещё далеко. Объяснять Дальней службе, что за работоспособность связи на Тессе она не отвечает, Арви не стала.

Раньше в таких лавинах она первым делом искала одно имя, и неважно было, чьё именно в тот год: письма пролистывали до тех пор, пока оно не находилось, а остальное ждало. Сейчас искать было некого, и разбор шёл быстро и ровно. Ей это даже нравилось — полное отсутствие внутреннего любовного трепета.

Уведомление от суда пришло с пометкой «требуется подтверждения работодателя». Арви прочла его дважды, второй раз уже медленно, по строчке. Второе заседание по делу Ирмы Кос прошло, претензий к судовому врачу «Стрижа» нет, документы признаны надлежащими, дело закрыто без последствий для лицензии. Всё чисто. Для подтверждения требовалась цифровая подпись борта, а её носитель лежал в ящике стола.

Ящик она открывала почти каждый день, потому что там хранились носитель с капитанской визой, запасной ключ от медотсека и ещё один, электронный, на заявки для Ласпи, за год не понадобившийся ни разу. Справа — парализатор, тяжёлый, серый, развёрнутый рукоятью к ней. Под ним было ещё кое-что, и парализатор лежал на этом, как кирпич на крышке бочки с капустой. Арви вынула печать слева, не сдвинув его ни на палец, приложила к экрану, дождалась зелёной полосы и задвинула ящик обратно коленом.

Потом написала Ирме: «Танцуй, дело закрыто, поздравляю и нервно выдыхаю».

Ответ пришёл через минуту, как будто Ирма сидела с планшетом и ждала: «Знаю, мне тоже пришло. Иди завтракай, как выдохнешь».

Арви не стала спорить с врачом, которому девяносто два года и продолжила листать почту.

Письмо Мика лежало среди тессовских, с датой трёхнедельной давности и пометкой «лазерная почта, ретранслировано». Короткое, как всё, что он писал, если писал сам, а не просил её.

«Арви, ты можешь за нас порадоваться, новая печь это просто мечта и даже работает, и вторую Ника хочет к уже зиме, я считаю, что рано, и мне кажется, я немного раздражаю Нику. Яблок на станции нет совсем, делаем с пирожные с туринсом, их отлично берут. По утрам очередь до лестницы, представь. Скрипы ходят как деньги, их берём тоже. Как вы там? Передай Нури, чтобы не травил людей. Если будете на Тессе, когда узел поднимут, заходите, седьмой сектор, вы знаете где».

Арви разглядывала фото довольного Мика с печкой, приблизила сначала печку, потом задержалась на родном лице Мика, улыбнулась до ушей, представила очередь до лестницы и кислый синеватый туринс с Симиза вместо яблок и написала в ответ, что у них всё хорошо, четыре заказа, все живы, Нури никого не травит, потому что готовить ему больше

не дают, а печь к зиме и правда рано. Перечитала, убрала «правда», вернула обратно и отправила. Письмо ушло в буфер с отметкой «доставка после восстановления узла адреса». Когда это будет, не знал никто.

Три письма от Аюды стояли подряд, с разными датами: первое шесть недель назад, второе пять, третье девятнадцать дней назад. Тем у них не было, Аюда никогда не писала тем, считала, что тема — это для страховых и спамеров. В списке были только имя и даты, три жирные строчки, и с каждой датой они становились ближе к сегодняшнему дню.

Арви посмотрела на них, поставила все три в «потом» и закрыла почту.

* * *

На доске у входа в столовую висела схема кают, нарисованная маркером на листе прозрачного пластика. Утром её не было. Тобиаш стоял перед ней с губкой в одной руке и маркером в другой и стирал стрелку, которую, судя по всему, нарисовал полчаса назад.

— Ты это видела? — спросил он, не повернувшись. Тобиаш Кренц в свои семьдесят восемь умел узнавать капитана по шагам.

— Теперь вижу. Что это?

— Это Ойс и Скэй. — Он ткнул маркером в два прямоугольника, соединённые жирной линией. — Они решили жить вместе, и я их понимаю, и даже, если хочешь знать, рад. Но каюта на «Стриже» устроена так, что в ней всегда кто-то

спит и всегда кто-то работает. Одна койка, один шкаф, две смены. А они хотят спать в одно время. Значит, Ойс сдвигает вахту на четыре часа, Скэй на два навстречу, а за ними сдвигается половина корабля, потому что на пилотов завязаны пересменки, душ и камбуз.

— Камбуз, — повторила Арви.

— Ну, то, что у нас теперь вместо камбуза, — поправился Тобиаш. — Пиц уходит на место Ойса, Нури получает свою прежнюю койку обратно, бывшую каюту Мика я разгружаю от фильтров, и туда идут двое, которые теперь спят в разное время. Так это должно выглядеть. Сейчас выглядит так, что Тула будет мыться в три часа ночи по своему времени. Я это ещё не победил.

Он снова взялся за губку, а Арви смотрела на стрелки. Бывшая каюта Мика стояла на схеме с двумя чужими инициалами, написанными аккуратно, печатными буквами, и ничем теперь не отличалась от любой другой.

У края листа, прилепленные к пластику полоской изолянта, висели две записки. Почерк на первой был угловатый, будто выцарапанный: «Если кто-нибудь тронет девятую, пусть насос второго контура чинит сам. Г. М.». Под ней, другой рукой, круглой, с сильным нажимом: «Двадцать лет. ДВАДЦАТЬ. Б. Т.».

— Их же никто не трогает, — сказала Арви.

— Да сказал я им это, а толку, — возмущенно взвыл Тобиаш. — Гвидо мне сообщил, что я сказал это слишком быстро.

Бажене я вообще ничего сказать не успел, она уже написала. Отвечать на записки я не обязан, это их переписка, не моя.

В столовой пахло нагретым пластиком и чем-то отдалённо съедобным. Шла пересменка, двадцать минут, когда за столом можно было увидеть обе смены сразу. Ленни и Йо-на сидели рядом на скамье, плечом к плечу, хотя Ленни и приходилось пристраивать свой экзоскелет очень аккуратно, чтобы ничего не зацепить, и смотрели в одну тарелку, хотя тарелок у них было две. Нури стоял у торца стола с вскрытым питанопак в одной руке и другой придерживал ложку у рта, как микрофон

— Капитан, — объявил он, — ты как раз к чтению. Питанопак номер четыре, «Рагу домашнее». Состав.

Арви взяла из ящика пакет, надорвала по пунктиру и высыпала порошок, светло-бурый, с рыжими крапинками, в миску. Потом подставила её под краник регенерата, нажала дважды, до риски, и поставила на греющую плитку. Та тикнула и засветилась: три минуты.

— Белок гороховый, текстурированный, — читал Нури, медленно, с паузой после каждой строки. — Крахмал картофельный. Морковь сушёная, измельчённая. Лук. Соль. — Пауза. — Масло растительное, порошкообразное.

— Порошкообразное масло, — сказал Ленни. — Это я понимаю, это же прямо стихи.

— Тихо. Самое главное в конце. — Нури поднял ложку. — Ароматизатор «мясо». Идентичный натуральному.

— Н-натуральному чему? — спросила Йона, не поднимая головы от тарелки.

— Вот, — Нури показал на неё ложкой. — Вот что делает поэзию — недосказанность. Нам не говорят, чему именно он идентичен, и в этом вся сила.

— В этом вся беда, — отозвался Ленни.

— П-пахнет нормально, — сказала Йона и покраснела, как будто это было признание.

Плитка тикнула снова. Арви взяла миску, поставила перед собой и попробовала. Соль там была, и морковь, кажется, тоже, и ароматизатор старался изо всех сил. Почти похоже на рагу. Если не вспоминать, каким бывает рагу, совсем похоже.

— Ну? — спросил Нури.

— Почти похоже на рагу, — сказала Арви.

— Я запишу это на обороте, — Нури перевернул пакет и действительно что-то нацарапал стилусом прямо по фольге. — «Почти похоже на рагу. Капитан». Для потомков.

Он налил себе воды до риски, поставил миску на плитку и ушёл к двери, напевая свежую песню группы Мойнаки. Ленни встал вслед за ним, задержался, сказал Йоне что-то совсем тихо. Йона кивнула, не поднимая глаз, и проводила его взглядом до самого коридора. Она бы так и сидела, если бы её не позвали на вахту. Через четыре часа по новой схеме Тобиаша они должны были лечь спать одновременно. Пока что схема висела на доске, и Тобиаш стирал на ней очеред-

ную стрелку.

Арви доела, сунула миску в ультразвуковую мойку, дождалась, пока та перестанет гудеть и выдаст её сухой и чистой, и вернулась на мостик.

* * *

К обеду схема на доске остановилась. Стрелок на ней стало меньше, Тула мылась в нормальное время, Пиц получил место у переборки, где не дуло, а бывшая каюта Мика превратилась в квадрат с двумя инициалами и маленькой пометкой «фильтры — в кладовую 3, Б. Т. в курсе». Девятая каюта стояла посередине листа как стояла: «Б. / Г. М.», без единой стрелки, обведённая Тобиашем дважды, видимо, для убедительности.

Под старыми записками висели две новые, тоже на изолене.

Угловатым почерком: «Видела? Не тронули».

Круглым, ниже: «Видела. Но левый охладитель всё равно чинить».

Арви постояла перед доской дольше, чем было нужно, чтобы прочесть несколько слов. Потом достала из кармана маркер, подумала и убрала его обратно. Это была их переписка, не её.

* * *

Ксан вызвал её в семь вечера по корабельному.

— Капитан, на мостик. Дальняя служба. Тут... поднимись, в общем.

Это «в общем» было на него совершенно не похоже — Ксан обычно договаривал и даже мог сказать лишнего. Арви поднялась и заспешила на мостик.

Тобиаш был уже там и стоял у Ксана за спиной, сложив руки на груди. На экране связи висела карточка Дальней спасательной службы: вызов первой категории, координаты далеко за краем сети, приложен исходный сигнал, предварительная оценка отсутствует. Ниже, мелким шрифтом, служба честно признавалась, что пакет пришёл на ближайший узел в повреждённом, по их мнению, виде и пересылается «как есть».

— Как есть, — возбужденно пробормотал Ксан. — Вот, ты послушай как есть.

Он нажал воспроизведение.

Сначала это был звук, узнать который было крайне проблематично. Низкий, тягучий, он тек из динамика так, будто кто-то тянул его за край. Потом в нём проступил голос. Человеческий, мужской или, может быть, просто очень низкий женский. Слова растягивались, гласные провисали, согласные расползались на полсекунды каждая. Голос называл позывной, но на таких оборотах позывной расплывался в одно долгое «а-а-а», и под ним, как под одеялом, бормотал маяк — тоже растянутый, тоже медленный.

Она уже слышала такое когда-то: старая запись, пущенная на малых оборотах, когда пластинку крутят пальцем, а не мотором.

— Транслятор сдох, — сказала Арви. — Или у них, или на узле.

— Я тоже так подумал. — Ксан вывел на экран спектр. — Посмотри.

Спектр был сдвинут целиком. Несущая сидела ниже, чем должна была, и не просто ниже — вся полоса уехала к красному краю, ровно, без рваных провалов, без шума по краям.

— Покрасневший, — сказала Арви, и сама не поняла, откуда взяла это слово.

— Именно. — Ксан ткнул пальцем в шкалу. — Если сдвигает передатчик, он врёт неровно. Тут поплывёт, там треснет, тут пропадёт. А здесь всё сдвинуто одинаково. Несущая, голос, маяк, даже их метка времени. По метке у них между двумя импульсами маяка прошла секунда, а у нас пришло почти четыре.

— Ты хочешь сказать... — начал Тобиаш.

— Я хочу сказать, что это не поломка. — Ксан убрал ногу с переключателя и сел ровно, что с ним случалось редко. — Это время. У них там время идёт медленнее, чем у нас. Раза в четыре, может, больше. Либо они уходят от нас с бешеной скоростью, чего с таким маяком не бывает, либо сидят возле чего-то очень тяжёлого.

Голос в динамике всё ещё тянул свою долгую гласную. Арви протянула руку и выключила звук. Стало тихо, только в трубах шла вода.

— Как давно это отправлено? — спросила она.

— По нашим часам или по их? — Ксан невесело усмехнулся. — По нашим этот пакет шёл до узла сколько-то суток, и сколько точно, я сказать не могу. Расстояние они дали, а насчёт остального надо садиться и считать. По их часам там могло пройти намного меньше. Это, кстати, хорошая новость. Воздух у них идёт по их часам.

— А плохая?

— Плохая в том, что, если мы туда полезем, у нас тоже будет две разные скорости времени. Те, кто пойдёт вниз, и корабль, который останется наверху, и кто-то должен держать между ними связь и всё это пересчитывать постоянно, иначе через сутки мы перестанем понимать, кто кого ждёт.

Он постучал себя пальцем по груди.

— А наша связь — это я. Значит, вниз я не иду. Мару и Тула вдвоём, без третьего, в таком месте... — Ксан помолчал. — Ну, сама понимаешь. Для такой работы нам нужен ещё один спасатель, капитан.

Тобиаш ничего не сказал, только перевёл взгляд с экрана на Арви и выразительно его задержал на капитане.

Арви смотрела на спектр. Ровная полоса, вся уехавшая в красное, без единого провала. Год она набирала людей только для того, чтобы закрыть дыры в сменах: временного механика на один рейс, когда Гвидо лежал с ногой, пилота-стажёра, которого вернули Дальней службе через месяц с хорошим отзывом. Все приходили, отработывали и уходили, и ни про кого из них она не помнила почти ничего.

Теперь нужен был человек, который пойдёт вниз, туда, где время тянется, как голос на малых оборотах. Нужно будет открыть лист Дальней службы, читать чужие анкеты, назначать встречи, разговаривать, смотреть в лицо и решать, можно ли с этим человеком туда идти. А потом — жить с ним на одном корабле, в одной из кают на схеме, которую Тобиаш только что закончил рисовать.

— Ответь службе, что «Стриж» вызов принял, — сказала она. — Предварительно. Окончательно — когда посчитаешь.

— А спасатель? — спросил Тобиаш.

— Спасателя найдём. Нам все равно надо к станции.

Ксан кивнул и развернулся к пульту. Тобиаш постоял ещё немного, потом вздохнул и пошёл к выходу. Видимо, к доске, где вскоре понадобятся новые стрелки.

Арви посмотрела на часы над экраном. Девятнадцать двадцать две. До вечерней капсулы оставался час и тридцать восемь минут, и она знала, что примет её ровно в девять, в пустом камбузе, из пузырька за жестянкой, как вчера, как весь этот год. Но впервые за этот год между ней и девятью часами лежало что-то, чего нельзя было отложить в «потом» и закрыть одним касанием.

Она снова включила звук, совсем тихо. Голос из-за края сети тянул своё длинное «а-а-а» и никак не мог его закончить.

2. Глава 2

Реестр Дальней спасательной службы на станции у Феоды занимал угол портовой конторы, между аптечным окном и стойкой страховых. Терминал, два табурета и табличка с требованием «Не более двадцати минут на борт», которое, конечно, никто не соблюдал. Перед ними сидел шкипер рудовоза и уже час выбирал себе механика.

Когда табурет освободился, сел Тобиаш. Он листал медленно, как читал всё, от счетов Пица до лоций, и отсеивал так же: без комментариев, одним движением пальца. Лицензия просрочена. Нет допуска к работе в вакууме дольше шести часов. Двадцать лет в реестре, ни одного вызова за последние три года. Этот пьёт.

— С чего ты взял? — спросила Арви.

Тобиаш развернул к ней экран. Под фамилией стоял отзыв капитана с Сольвейг: «Надёжен в трезвом виде. Рекомендую к повторному найму».

— Капитан, видимо, добрый человек, — сказал Тобиаш и пролистнул дальше.

Отзывы в реестре писали на одной строке, а уместались в неё по большей части три формулы, и любой капитан Рукава читал их как азбуку. «Рекомендую без оговорок» означало, что человек хороший. «Рекомендую к повторному найму» значило, что брал бы ещё, но есть нюансы, о которых пишу-

щий, по законам приличия, умолчал. «К повторному найму не рекомендую» говорило о многом, но ещё оставляло шанс. Была и четвёртая формула, писать которую капитаны не любили, а прочитав, сразу закрывали карточку. Судимость в реестре выглядела строчкой со статьёй и сроком: человек отсидел, это видно, страховые поднимали ставку на треть и выдавали полис. «Несовместима с экипажем» не имела ни статьи, ни срока. Это значило, что капитан, чья жизнь зависела от этого человека в вакууме, больше не хотел спать с ним через стенку. И не объяснял почему. Страховые читали эту строчку раньше процента спасённых.

Арви смотрела на экран через плечо Тобиаша, пока он не остановился и не потёр переносицу. Тогда она взяла терминал себе и пролистала вниз, к тем, кого он уже отсеял.

Фриша Калифа. Полевой спасатель, девять лет в реестре. Процент спасённых — самый высокий в секторе, Арви сначала решила, что это опечатка, и сверила со сводной таблицей. Ошибки не было. Пять бортов за девять лет. Графа «дисциплина» — самая низкая оценка, какую терминал вообще мог отобразить. Пять отзывов, и все пять заканчивались одинаково. Только один капитан, с какого-то буксира у Таврики, написал перед формулой ещё полстроки: «Вытащила двоих из отсека, который мы списали». И дальше: «Несовместима с экипажем».

— Я её смотрел, — сказал Тобиаш.

— Я вижу.

— Арви!

— Я только спрошу, — сказала она и нажала вызов.

Ответ пришёл через сорок секунд, будто Фриша сидела, держа палец над кнопкой. «Да. Бар у второго шлюза, через десять минут, я угощаю. Нет, вы угощаете, у меня кроны кончились. Через десять минут!!»

Тобиаш прочитал это через её плечо и ничего не сказал.

* * *

Фриша пришла раньше них и уже успела найти себе дело. Она одновременно ела что-то из миски, читала с планшета и объясняла бармену, почему у него в морозильнике неправильно стоит регулятор. Бармен слушал с лицом человека, который слышит это не впервые за вечер. Когда Арви с Тобиашем подошли, Фриша вскочила, опрокинула ложку, поймала её на лету и протянула руку сразу обоим, так что Тобиашу досталась рука с ложкой.

— Калифа, а вы «Стриж», я про вас читала, пока шла, ну, пока бежала, у вас эвакуация «Стрижа», станции, я имею в виду, — это вы, вы ещё с Ласпи там, это красиво было, садитесь. Садитесь! Он нальёт. Он хороший, — она кивнула на бармена, — только морозильник у него плохой.

— Морозильник у меня нормальный, — сказал бармен и поставил перед ними три кружки чего-то тёплого и бурого, пахнущего жжёным сахаром.

Она была худая, с коротко стриженными волосами, торчащими так, будто она только что спала, хотя по глазам было

видно, что спала она давно. Глаза эти Арви запомнила сразу и надолго. Фриша смотрела на всё подряд — на кружку, на Тобиаша, на облезлую световую панель над стойкой, на чей-то скафандр в углу, у которого был неправильно застёгнут шейный замок, — и на всё с одинаковым жадным интересом, словно бар ей только что подарили и она ещё не решила, с чего начать.

— Вызов первой категории, — сказала Арви. — Очень глубоко. Подробнее сказать не могу, пока не подписан договор.

— Глубоко куда?

— Не могу.

— Хорошо. — Фриша сразу кивнула, никакого огорчения у неё на лице не появилось. — Кто у вас вниз идёт?

— Наш спасатель-связист должен остаться наверху. Держать связь и пересчитывать. Нам нужен второй человек вниз.

— Пересчитывать, — повторила Фриша и вдруг замолчала. Арви за весь разговор впервые увидела, чтобы она молчала, и это длилось секунды три. Потом Фриша щёлкнула пальцами в сторону стойки: — Чем у вас пишут? Мне надо нарисовать.

Бармен вздохнул, вынул из-под стойки маркер, которым помечал на бутылках, чьи они, и положил рядом с её миской.

— Вернёшь.

— Верну.

Фриша вытащила из стакана салфетку, разгладила её ла-

донью и нарисовала наверху круг.

— Это вы. Связист у вас тут. — Она поставила в круге точку. — А вот тут, внизу, то, куда надо. — Линия пошла вниз, салфетка порвалась, Фриша выругалась, ничуть не расстроившись, и повела линию по краю дыры. — Теперь смотрите. Связь не пересчитывают. Связь держат или не держат. Пересчитывают время. Значит, у вас там внизу время идёт не так, как наверху. Медленнее, да? Не говорите, я по лицу вижу.

Арви ничего не сказала. Она и лица постаралась не менять, но, видимо, недостаточно: Фриша довольно хлопнула ладонью по столу, и кружка Тобиаша подпрыгнула.

— Насколько медленнее — тоже не скажете. Ладно. Неважно. Важно другое. — Внизу она нарисовала второй круг, а в нём часы с кривыми стрелками. — Всё, что ваш связист скажет сверху, придёт ко мне сжатой кашей, быстро-быстро, одно слово на другом. А всё, что скажу я, поползёт к вам растянутым и будет выглядеть как... — она помахала маркером, ища, — как вот эта песня Мойнаки, задом наперёд, на малых оборотах. Вот. Это значит, внизу нельзя ждать приказа. Пока вы мне скажете «стой», я уже либо останавлиюсь, либо нет. Внизу человек один.

Она нарисовала под часами человечка — палку, кружок вместо головы — и не провела к нему никакой линии сверху.

Над стойкой как раз играла песня группы Мойнаки, та, что весь последний месяц звучала по всему Рукаву, про

«Шесть времен года» из каждого дока и с каждой кухни, и Фриша, не отрываясь от салфетки, начала её мурлыкать. Арви эту песню слышала сто раз и сто раз ничего в ней не находила. Капсула гасила узлы, а вместе с ними, как выяснилось за этот год, гасила и всё остальное, что было выше и ниже ровной середины. Песни были просто песни, еда — просто еда, сидр у Ивы — просто сидр. Сейчас она смотрела, как Фриша качает головой в такт, рисует, слушает, говорит, всё одновременно, и поймала себя на мысли, что завидует. Во-все не проценту спасённых, а тому, что у этой женщины в голове всё звучит громко.

— Внизу человек выполняет инструкцию, — сказал Тобиаш, — которую составили наверху заранее.

Фриша посмотрела на него с таким удовольствием, будто он подарил ей ещё одну салфетку.

— Заранее составленную инструкцию на место, где вы ни разу не были, в котором время идёт не так, как у вас? — Она подумала. — Ну да. Красиво. Её можно взять с собой, она хорошо горит.

Тобиаш отпил из кружки и поставил её ровно на прежний мокрый круг.

— Вы спросили, кто идёт вниз, — сказал он. — Вы не спросили, сколько человек там. И сколько мы рассчитываем поднять.

— А зачем? — искренне удивилась Фриша. — Поднимать надо всех, сколько бы их там ни было.

Бармен, не дожидаясь просьбы, положил перед ней ещё одну салфетку. Фриша сразу перевернула первую и начала рисовать на обороте схему шлюза, который никто ей не описывал и которого, может быть, вообще не существовало, с тремя вариантами входа, и объяснять, почему два из трёх плохие. Арви слушала и думала, что из трёх Ксан к утру выбрал бы тот же.

— Так что, — Фриша наконец подняла голову, — берёте?
— Нет, — сказал Тобиаш.

Сказал он спокойно, не громче, чем говорил «принял» на мостике. Арви слышала это «нет» и только тогда поняла, что ответ у неё давно готов, ещё с той минуты, как Фриша нарисовала человечка без линии.

— Берём, — сказала она. — На один рейс.

Фриша перевела взгляд с одного на другую и улыбнулась во весь рот.

— Вы бы договорились сначала. Хотя лучше не надо, а то передумаете. Слово капитана важнее! Где вы стоите? Шестой причал? Через два часа буду. — Она вскочила, запихнула обе салфетки в карман, потом вытащила, отдала маркер бармену, а салфетки снова запихнула. — Через полтора!

Она ушла, и за столом сразу стало очень тихо, хотя песня ещё играла.

— Еду она не доела, и не оплатила — сказал бармен. — Посчитать вам?

— Посчитайте, — сказала Арви.

* * *

До шестого причала шли молча. Тобиаш шёл медленно, и Арви приходилось держать его шаг, хотя хотелось идти быстрее. Это желание она тоже заметила и отложила.

У шлюза он остановился.

— Арви! Мы должны согласовывать такие вещи.

— Мы согласовали. Ты не согласился, я взяла на один рейс. Можем считать это компромиссом.

— Несовместима с командой, ты понимаешь, что это значит? — Он стоял, опираясь на поручень, и смотрел не на Арви, а на табло причала, где мигало название «Стрижа». — Пять бортов за девять лет. Пять капитанов, которые друг друга, скорее всего, в глаза не видели, написали одно и то же.

— Неизвестно, почему они так написали. Может, это были пять дураков. Может, у неё к ним претензий больше, чем у них к ней. В реестре же не пишут, кто кого первым возненавидел.

— Не пишут, — согласился Тобиаш. — Поэтому я не беру людей, про которых там не написано.

— Тобиаш, у нас нет выбора. Ты сам их отсеял. Кто остался? Тот, который надёжен в трезвом виде? — Она слышала, что говорит быстрее, чем нужно, и не могла остановиться. — Ксан ещё считает. У нас нет недели на то, чтобы ждать, пока в реестр зайдёт кто-нибудь удобный. Там внизу люди, и время у них идёт вчетверо медленнее, а у нас нормально, и каждый наш час — это их четверть, и мы его тратим.

— Я знаю, что там люди.

— Тогда что?

Тобиаш помолчал. Арви знала это его молчание: он не подбирал слова, а решал, говорить ли их вообще.

— Мне с ней жить в правой смене, — сказал он наконец.

— Туле, Ксану, Пицу. Ты думаешь о тех, кто внизу, и правильно думаешь, ты капитан. А я думаю о тех, кто с этого вызова вернётся и будет потом с ней есть за одним столом. Она за час сказала больше, чем Йона за год. И ни разу не спросила, что будет, если не получится.

— Она вытаскивает тех, кого другие списали.

— Да, — сказал Тобиаш. — Я тоже читал ее анкету.

Он перевёл взгляд с табло на неё и задержал его, будто хотел ещё что-то сказать и раздумал. Арви этот взгляд выдержала, хотя он ей не понравился.

— Один рейс, — сказала она.

— Я тебе подчинюсь, — ответил Тобиаш. — Ты это знаешь. Но ты меня не уговорила.

Он прошёл в шлюз первым, и Арви вдруг сообразила, что за год, с того дня, когда они ушли с Тессы с пустым местом за столом на камбузе, они ни разу ни о чём не спорили. Она приказывала, он делал, или он предлагал, и она соглашалась. Ей казалось, что это и есть порядок, к которому она шла.

* * *

В каюте было тихо, только за переборкой ровно гудела вентиляция. Вечерняя капсула лежала на полке в своём про-

зрачном гнезде, где Арви оставила её утром, — там же, где она каждый вечер её и брала. До неё оставалось часа два, а до Фриши — полтора, если та не опоздает. Если же придёт до срока, то и меньше, и Арви почему-то была уверена, что так и будет.

Она села на койку, взяла планшет и открыла почту, чтобы написать Ксану про нового человека. Письма Аюды стояли в «потом» одно над другим, все три без темы. Аюда тем никогда не писала, считала, что если человек не понимает, о чём письмо, пока его не откроет, то и тема ему не поможет.

Обиды на Аюду у неё не было, обижаться было не на что. Аюда тогда прочла «Мы вернулись. Все живы. Можно я зайду?» и не ответила, и Арви это понимала — Аюда очень любила своих друзей, она проживала их обиды как свои, и в этот раз Арви очень плохо обошлась с Миком. И Аюда обиделась даже больше чем он сам.

Мик ушёл с корабля, Эйсар не вернулся, на Тессе люди остались на долгий срок без связи, без средств к существованию, а она сама была виновата перед всеми по списку, и этот список у неё был длинный, и Аюда стояла в нём не первой и не последней. Капсула гасила узлы, но не болезненные спазмы при мыслях об этом списке. Каждое неоткрытое письмо было маленькой отсрочкой: пока его не открыла, можно не чувствовать того, что почувствуешь, когда откроешь. Она так и жила год, отсрочками, от утренней капсулы до вечерней.

Палец постоял над первым письмом. Потом она его открыла.

Письмо было трёхмесячной давности, длинное и совершенно обыкновенное, будто его писали не после нескольких месяцев молчания, а продолжая разговор на кухне. Младший пошёл в школу и в первый же день подрался из-за места у окна, и Аюда так и не поняла, гордиться этим или нет. На седьмом опять меняли трубы, вода шла ржавая неделю. «Мик с Никой открыли кондитерскую, — писала Аюда. — Очередь с утра, я сама стояла. Приходи пробовать, булки у него теперь лучше, чем на „Стриже“». И дальше ещё про соседку, про цены на овощи, и ни слова о том, что было.

Арви прочитала это письмо дважды. На словах про булки она засмеялась вслух, одна, в пустой каюте. Смех вышел короткий и странный, и она прислушалась к нему, как к чужому.

Второе письмо она открыла не сразу. Посидела, поглядела на капсулу на полке, на дверь. В коридоре кто-то прошёл — по шагам Пиц, он всегда носился так, будто опаздывает. Шаги ушли.

Второе было в две строки.

«Арвичка, я злилась. Ну всё, хватит. Ты дура, но ты моя дура».

Арви положила планшет на колени и некоторое время держала на нём ладонь. Список, который она год носила с собой, в этих двух строках не помещался. Аюда его не стала

читать. Она его выбросила, ещё три месяца назад, просто не сказала об этом вслух, а Арви с тех пор продолжала по нему расплачиваться в одиночку, с процентами, перед человеком, который давно ничего не требовал. От этой мысли ей стало смешно и стыдно сразу, но стыд был другой, лёгкий, такой, с каким признаются, что неделю искали очки, а они висели на шее.

Третье письмо пришло четыре дня назад. Одна строка.
«Не ответишь, приду в док сама».

Арви представила, как Аюда стоит на четвёртом причале с пакетом булок от Мика, в своём лучшем пальто, и ругается с охраной на карантинном ярусе, потому что у неё нет карты с печатью борта, и охрана сдаётся минут через десять (возможно за булки). Она точно знала, что так и будет. Аюда никогда не писала того, чего потом не делала.

Она нажала «ответить» и долго ничего не писала. Потом написала быстро, не останавливаясь:

«Ты моя балбесина. Люблю. Скучаю. Жду в доке».

Отправила. Посмотрела, как письмо уходит в буфер узла станции, ожидая окна на Тессу. Потом открыла новое сообщение Ксану, написала, что вниз пойдёт Фриша Калифа, на один рейс, и чтобы к её приходу у него были цифры, потому что спрашивать она будет много.

Капсула лежала на полке. В коридоре снова кто-то прошёл, на этот раз медленно — Тобиаш, к мостику. Арви посидела, слушая, как вода идёт в трубах, и в первый раз за

долгое время ей не хотелось, чтобы в каюте было ещё тише.

3. Глава 3

Три слепых прыжка к краю карты «Стриж» прошёл, как проходят по чужому двору мимо спящей собаки: быстро, не оглядываясь и с неприятным холодком между лопатками. Каждый раз всё начиналось одинаково. Сначала сбившееся мгновение в темноте, потом несколько минут на мостике, пока навигация выясняла, куда их вынесло, и наконец сорок часов жары. В ободке ходили в майках, насосы охлаждения гудели на одной ноте, а в машинное Бажена пускала только в защитном костюме и только тех, кого сама считала нужным пустить. Перед каждым прыжком Арви глотала лишнюю капсулу, сверх расписания, и в миг провала в голове у неё было тихо, ровно и ватно, как и положено. Жар от радиаторов ей не нравился, но жару вообще мало кто любит.

Йона и Ксан почти не вылезали с мостика. Сигнал «Ориентира» так и лежал у красного края спектра, и из этого сдвига они вытаскивали всё, что можно было вытащить: как глубоко борт сидит в колодце, сколько у него проходит за их час и с какой скоростью он туда сползает. Ксан чертил на планшете кривые, стирал их и чертил заново. Йона молча правила его цифры, и он молча соглашался.

— Ор-р-риентир — сказала Йона на второй вечер, когда Арви зашла на мостик за сводкой. — Исследовательский борт. Они там ск-к-копление изучали. Кристаллы.

— У чёрной дыры, — уточнил Ксан. — вот как так, у блуждающей черной дыры, летящей неизвестно куда.

— Интересно, почему у дыры? — с явным недоумением спросила Арви, почесав нос.

— Хороший вопрос, — сказал Ксан. — Спроси у Ориентира. Если они нам ответят, я съем свой планшет.

На этом обсуждение причин и закончилось, потому что ни у кого на «Стриже» ответа не было. Оставались цифры — хоть и плохие, но считаемые. Это Арви устраивало больше, чем устроило бы любое объяснение.

За те же двое суток, пока корабль остывал после прыжков, Фриша Калифа перезнакомилась со всеми. Не так, как знакомятся новичок, назвав имя и кивнув, а так, будто прожила с ними лет пять и просто ненадолго отлучалась. Она узнала, что Нури ненавидит корицу, а Гвидо любит, когда спрашивают про его насос, и спросила про насос. Пилотов называла по именам, Ленни уже на второй день называл её «Фри», и Арви, услышав это в коридоре, остановилась и не сразу поняла, что именно её задело. Видимо, скорость.

Пиц продал ей три вещи. Первым был термос, стальной, помятый, с откручивающейся кружкой: Пиц утверждал, что это сарнская работа, а на донышке было выбито клеймо тесской фабрики. Вторым — пакет сушёного лука, настоящего, не порошка, из какого-то его тайника, о котором Тобиаш не знал, а Арви старалась не узнать. Третьим стал маркер с несмываемой краской, ярко-оранжевый, толстый, как палец.

Про маркер Арви узнала на второй день, когда шла мимо медотсека.

У переборки, где на «Стриже» испокон веку писали рекорды смен, собралась половина левой и часть правой. Надписи там шли слоями, старые никто не стирал, и по этой стене, как по кольцам на спиле, читалась вся жизнь корабля, включая ту, что была до Арви. Посреди переборки, поверх выцветшей синей строчки, которую оставил кто-то из экипажа прежнего владельца, теперь горело оранжевое: «ПРОГОН ЛЕВОЙ — 3:41. ФРИША». Буквы были в ладонь высотой, а последняя «А» заезжала на соседнюю строку.

Прежний рекорд, 3:58, стоял ниже, мелко и аккуратно, и под ним было написано «Мару».

Сама Мару стояла перед стеной, скрестив руки, и Арви ещё издали поняла, что сейчас будет громко.

— Ты что сделала? — спросила Мару.

— Побила твой рекорд, — с готовностью ответила Фриша.
— На семнадцать секунд. Я вообще-то думала, будет пятнадцать, но на третьем люке срезала, там можно через кабельный короб, если ногу вот так...

— Я не про рекорд. — Мару ткнула пальцем в оранжевое.
— Под этим что было?

Фриша посмотрела на стену так, словно видела её впервые.

— Синее что-то. Старое. Там не читалось уже.

— Там читалось. Это стена, Калифа. Её не стирают и по-

верх не пишут. Ей лет больше, чем тебе на этом корабле часов.

— Так я же не стирала, — сказала Фриша. — Оно же там, под оранжевым. Оно никуда не делось.

Кто-то за спиной Арви хрюкнул. Нури, кажется. Пиц стоял ближе всех к стене и смотрел на маркер в руке у Фриши с таким видом, будто прикидывал, не продешевил ли.

— Три сорок одна, — сказал он с уважением. — Через кабельный короб. Кэп, ты слышала? Через короб!

— Слышала, — сказала Арви.

Мару повернулась к ней, и Арви увидела, что та злится всерьёз: её злило, что все вокруг улыбаются. Ленни улыбался, Нури улыбался, и даже у Гвидо, который пришёл из машинного в защитном костюме с откинутым капюшоном, лицо было довольное, как после удачно перебранного насоса. Весь корабль был в восторге, кроме Мару, и Мару это видела.

— Капитан, — сказала она. — Это правила стены.

— Знаю, — сказала Арви. — Фриша, правила стены такие: пишешь рядом, на свободном месте. Поверх ничего.

— Поняла, — сказала Фриша, и было видно, что поняла и что ей совершенно не стыдно. — Мару, хочешь, я его переделаю? Сбоку. И маленькими. А твоё обведу, чтобы виднее было, а то оно бледное.

— Не трогай моё, — сказала Мару.

Дверь медотсека открылась, и вышла Ирма. Она посмотрела на стену, потом на маркер и протянула руку ладонью

сверху. Фриша отдала его, не споря, будто так и было условлено.

— И банку, — сказала Ирма.

— Какую банку?

— Ту, что у тебя в левом кармане. Кофейный концентрат, двойной. От тебя пахнет им с утра так, что у меня в отсеке слышно.

Фриша засмеялась, вынула из кармана плоскую банку и отдала.

— Это я на вахту берегла.

— На вахту получишь чай, — сказала Ирма и ушла обратно к себе, унося маркер и банку.

Мару ещё постояла перед стеной и ушла, ни на кого не глядя. Народ разошёлся не сразу, обсуждая кабельный короб. Арви задержалась у переборки. Оранжевые буквы торчали из истории корабля, как гвоздь из доски, и не замечать их теперь было невозможно. Наверное, Фриша этого и хотела. А может, ничего она не хотела, просто ей было весело и под рукой оказался маркер.

* * *

Проснулась Арви в начале четвёртого, сама не поняла отчего, и какое-то время лежала, глядя в потолок каюты. Капсула ещё держала, в голове было ровно и пусто, как в вымытой кастрюле. Потом до неё дошло, что разбудил её запах.

Пахло жареным луком.

Она полежала ещё, убеждая себя, что ей это снится, потом

встала, натянула штаны и вышла в коридор. Свет горел ночной, вполнакала. Запах тянулся от камбуза, густой, тёплый, с чем-то ещё, сладковатым и горелым по краям, и чем ближе она подходила, тем меньше он походил на сон.

Год камбуз пах питанопакками, то есть ничем. Нури пробовал готовить, после каждой его попытки Ксана мутило, а остальные ели и хвалили, потому что Нури старался.

Дверь в камбуз была приоткрыта. В щель Арви увидела спину Фриши в майке, лопатки, острый локоть, сковороду, над которой поднимался пар. На доске рядом лежали два вскрытых питанопака, «Рагу домашнее» и что-то ещё в зелёной обёртке, а вокруг рассыпался лук Пица. Фриша жарила его на сухом масле из пайковых брикетов, пока он не начал темнеть, и вываливала поверх рагу, отчего то шипело, плевалось и пахло так, как раньше по утрам, когда Мик ставил тесто. Почти так же. Фриша что-то тихо напевала, мимо нот, и одновременно вскрывала третий пакет зубами.

Фартук висел на крючке у вытяжки. Тот самый. Фриша его не надела.

Арви стояла у двери и держалась за край проёма. Можно было войти, сесть, взять вилку и сказать что-нибудь вроде «что это у тебя». Фриша бы обрадовалась и наговорила с три короба. Запах был такой, что от него сводило под языком.

Она отпустила проём и ушла обратно в каюту. Там легла, не раздеваясь, и лежала, пока запах не выветрился через вентиляцию, и потом ещё немного.

* * *

На следующий вечер Арви ушла к оси.

Место у неё было своё, о нём знали, может быть, Бажена да Гвидо, но им было не до того. На стыке обода со спицей, в техническом переходе, куда лазили раз в полгода проверять уплотнители, был лючок визуального контроля — круглое окно в две ладони, толстое, мутноватое по краю. Тяжесть здесь была уже не та, что в ободке, ноги становились лёгкими, и сидеть можно было прямо на решётке пола, привалившись спиной к кожуху. Свет в переходе не горел, только зелёные огоньки датчиков вдоль стены. В окне был космос, тот, что на краю карты, редкий, с пустотами, в которых ничего не было, сколько ни смотри.

Но Арви смотрела. Вечернюю капсулу она уже приняла, и тишина в голове была полная, ни шороха.

Сначала она слышала шаги, потом бряканье металла о металл и только потом голос:

— Ой.

Фриша стояла в проёме с термосом в обнимку и шурилась в темноту.

— Я думала, тут никого. Простите, капитан. Я тут хожу, ищу, где сесть, чтобы было видно. В ободке всё в стенах, а тут Гвидо сказал, есть окошко. Он сказал, сюда никто не ходит.

— Гвидо не знает, — сказала Арви.

— Я пойду.

— Садись. Раз пришла.

Фриша села не напротив, а рядом, у того же кожуха, так, чтобы обеим было видно в окно, и сразу стала откручивать кружку от термоса.

— Чай, — сказала она. — Ирма велела пить чай, я и пью чай. Будете? Он с сушёным яблоком, это не от Пица, это моё, у меня ещё с Тессы.

Арви взяла кружку. Чай был горячий и действительно пах яблоком. Фриша налила себе в крышку от термоса и какое-то время молчала, что для неё было почти подвигом. Потом сказала:

— Я хотела сказать спасибо. Что взяли. Я знаю, что старпом был против.

— Да, старпом был не то чтобы за, — согласилась Арви.

— А вы нет.

— А я взяла.

Фриша кивнула, повертела крышку в пальцах.

— Меня ещё ни разу так быстро не брали. Обычно сначала месяц смотрят, а потом всё равно не берут. А тут сразу, и такое дело, и вообще. — Она засмеялась. — Я когда в первый раз сюда пришла, к стене, я подумала: тут всё настоящее. Тут люди живут, а не служат.

— Ну да, Мару так и думает, — сказала Арви. — Поэтому злится.

— Я извинюсь. Я уже придумала как. Я ей завтра... — Фриша оборвала себя. — Неважно. Извинюсь.

В окне ничего не менялось. Арви сделала глоток и спро-

сила, глядя туда, а не на Фришу:

— В твоём деле написано, что ты отказалась от лечения.

Фриша не дёрнулась, только перестала крутить крышку.

— Да, — сказала она.

— Почему?

— Вы же читали. Там всё написано.

— Там написано «отказ». Почему — там не написано.

Фриша помолчала. Потом подтянула колени и обхватила их рукой, свободной от крышки.

— Сейчас хорошие лекарства, — сказала Арви. — Я знаю. Они отлично справляются. Люди с ними работают, летают, живут. Никто ничего не замечает.

— Вот, — сказала Фриша. — Никто ничего не замечает. И я тоже.

Арви повернула к ней голову.

— Я пила, — быстро заговорила Фриша, будто боялась, что её перебьют. — Год пила, честно, всё по схеме. Всё было ровно. Утром ровно, вечером ровно. Еда вкусная, но не очень. Музыка хорошая, но не очень. Я сидела на прогонах и делала в норму, минута в минуту, и мне было всё... никак. Я не могла придумать ни одной своей штуки. Ни злости, ни радости, ни... ничего. Я смотрела в окно, вот как сейчас, и видела, что там звёзды. И всё. Звёзды, и ладно.

Она махнула крышкой на окно, и чай чуть не плеснул на решётку.

— А сейчас я смотрю, и меня прямо... — Фриша прижа-

ла кулак к груди. — Вот тут. Понимаете? Я чувствую, что живая. Я вижу, как можно сделать, чего никто не видит. Я сильная, продуктивная и креативная. Я за двое суток с вами со всеми... У меня в голове столько всего, что не помещается. Я это на таблетках не могу. Совсем. На таблетках ни любви, ни печали, сплошной пастельный мир вокруг.

— А потом? — спросила Арви.

Фриша опустила кулак.

— А потом я плачу, — сказала она просто. — Провалами. Бывает, лежу. Бывает, неделю лежу. Это тоже правда, я не вру и не делаю вид. — Она подумала. — Но я учусь. Правда учусь. Я уже знаю, когда начинается. Например, я вообще перестала принимать алкоголь, потому что он депрессант, в любой фазе он до добра не доводит. И еще я стараюсь не вовлекать людей в свои проблемы. Раньше я не могла различить плохое состояние и хорошее, мне казалось, что все вокруг портятся. Сейчас я злюсь на людей, но понимаю что это скоро изменится и что не надо срываться. — Фриша посмотрела на Арви — И мои хорошие фазы длятся намного дольше плохих. Я очень буду стараться чтобы никто не заметил.

Арви смотрела в окно. Там, в пустоте на краю карты, была тишина, и в голове у неё тоже, а капсула держала её надёжно, как ремни при прыжке. Глубже, вросшее в нервы вдоль позвоночника, лежало кружево, усыплённое, укрытое ватой, и если его не глушить, оно будет слышать хор, голоса, всё то, что год назад звучало для Арви так ярко, что она не могла

спать. Фриша платила провалами за то, чтобы чувствовать, а Арви — серостью за то, чтобы не слышать. Звёзды, и ладно, — это она знала лучше, чем хотела бы.

Только она этого и хотела. Чтобы было звёзды, и ладно.

Фриша ждала. Арви поставила кружку на решётку рядом с собой.

— Я тебя оставляю, — сказала она.

Фриша выдохнула и улыбнулась, но Арви ещё не договорила.

— Оставляю, пока это не во вред делу. И пока это не во вред экипажу. Если на прогоне ты срезаешь через короб — хорошо. Если внизу, на вызове, ты увидишь решение, которого не видит никто, а риска не увидишь — плохо. Если ты ляжешь на неделю в тот день, когда мне нужен спасатель, — плохо. Если кто-то здесь пострадает, потому что тебе было ярко, — ты сходишь на первой станции. Без обсуждений.

Улыбка у Фриши ушла не сразу, а по частям, и лицо осталось какое-то потерянное, как у ребёнка, которого посреди праздника поставили в угол. Она посмотрела на Арви, словно проверяла, не шутка ли это и не скажет ли капитан сейчас что-нибудь мягкое, чтобы сгладить.

Арви ничего мягкого не сказала. Она взяла кружку, допила чай и протянула её обратно.

Фриша взяла кружку, повертела, закрутила на термос. Руки у неё были быстрые, ни одного лишнего движения.

— Это честно, — сказала она наконец. Голос был тише,

чем раньше, но не обиженный. — Это нормально. Вы же не сказали «нет». Вы сказали «посмотрим».

— Посмотрим, — сказала Арви.

— Я поняла. — Фриша помолчала и вдруг хмыкнула. — Старпом бы сказал «нет».

— Ну он так и сказал.

— А вы более рисковая. — Она опёрлась затылком о козух и посмотрела в окно. — Я буду говорить. Если начнётся. Я вам скажу, а не Тобиашу. Ладно?

— Мне, — согласилась Арви. — И у нас принято обращаться на «ты», иначе ты всю нашу теплую семейную атмосферу портишь.

Они посидели ещё. Фриша, кажется, хотела заговорить о чём-то ещё, несколько раз набирала воздух и не начинала. Потом поднялась, легко, по-осевому, придерживаясь за стену.

— Я там на камбузе, — сказала она уже из проёма. — Нажарила. Ты не пробовала? Нури сказал, съедобно. Ксана не тошнило.

— Не пробовала, — сказала Арви.

— Я ещё сделаю.

Шаги ушли по переходу вниз, к ободу, бряканье термоса стихло. Арви осталась у окна. В пустоте на краю карты ничего не прибавилось и не убавилось. Где-то там, за этой пустотой, в колодце у дыры, летящей неизвестно куда, торчал «Ориентир», и время у него шло намного медленнее, чем

здесь. Йона и Ксан утром скажут, насколько глубоко.

Тишина в голове была полная. Арви посидела в ней, пока не начали затекать ноги, и пошла спать.

4. Глава 4

Последние сутки шли обычным ходом.

Йона ещё на прошлой вахте вывела на общий экран расчёт: слепой прыжок отсюда выбрасывает корабль в область размером с планетную орбиту, и где-то в ней, если не повезёт, окажется то, из чего не возвращаются. Объяснять никому ничего не пришлось. Тобиаш прочёл, уверенно кивнул и констатировал: «Значит, ногами». Ленни на всякий случай переспросил, сколько это ногами. Двадцать два часа, ответила Йона, не поднимая глаз, и слегка улыбнулась, хотя вопрос он задавал экрану.

Теперь оставалось меньше трёх, и в рубке набралось столько народу, сколько она вмещала, не считая тех, кто стоял в проёме. Все объявились без вызова. Ксан держался за поручень у входа, Бажена и Гвидо явились прямо из машинного, оба в защитных костюмах, расстёгнутых до пояса, рукава болтались за спиной. Фриша пристроилась у навигационного пульта, на самом неудобном месте, где на голову капало с теплообменника, и даже не замечала этого.

Никто не разговаривал.

Сначала Арви решила, что экран барахлит. Звёзды по краям лежали как обычно, мелкой ровной солью, а ближе к центру начинали ползти, вытягивались в дуги и сливались, и посередине, вокруг пятна, где не было вообще ничего, даже

темноты, горело кольцо, тонкое и неровное, то ярче, то почти пропадающее. Сама дыра не показывалась, и видно было только, что она делает со светом всего, что лежит за ней.

— Вон, — тихо произнес Ленни и постучал пальцем по стеклу. — И вон.

Арви проследила за пальцем. Слева от кольца горела голубоватая звезда, яркая, с лёгким зелёным краем. И справа, по другую сторону пустого пятна, горела точно такая же. Тот же цвет, тот же зелёный край, только чуть тусклее и сплюснутая, будто её прижали ладонью.

— Это одна, — сказала Йона. Она не отрывала глаз от приборов, но, видимо, знала, куда смотрит Ленни. — Свет об-обходит с двух сторон.

— Одна звезда в двух местах, — повторил Ленни. — И которая настоящая?

— Обе.

Ленни хотел, кажется, пошутить, но не стал. Арви поймала себя на том, что ждёт этой шутки и что без неё в рубке стало ещё тише.

Капсулу она приняла четыре часа назад, вторую сверх нормы, и в голове было ровно и глухо, как в ватном коконе. Ничего не тянуло, ничего не звенело. Она знала, что где-то там, у самого горизонта, висит «Партенит» со своими кристаллами, а может быть, и не только со своими. Знала головой и радовалась, что только головой.

Тобиаш стоял у неё за плечом. Она не оборачивалась, но

слышала его дыхание, ровное, чуть с присвистом, и это почему-то успокаивало больше, чем капсула.

— Сто тысяч солнц, она по мощности как сто тысяч солнц! — воскликнул он наконец, ни к кому не обращаясь. — И крутится.

— Крутится, — согласилась Бажена. — Иначе бы мы тут не стояли. У медленной до устойчивой орбиты лететь и лететь, а там уже порвёт. А эта прижала орбиту к самому краю. Опустишься ниже — конец. А выше лети сколько хочешь, если есть чем.

Она не договорила, и все поняли, что именно «если».

Связь щёлкнула в половине второго часа.

Сначала это был не голос, а гул, низкий, как будто в соседнем отсеке медленно волокли по полу что-то тяжёлое. Йона повела рукой над пультом, звук пополз вверх, рассыпался на слоги, и из динамика, тягуче, словно человек говорил под водой, донеслось:

— ...ри-и-иж... слы-ышу ва-ас... Это «Ори-ие-ентир»...

Фриша выпрямилась так резко, что задела затылком теплообменник, и даже не охнула.

Йона подала руку к микрофону, задержала её на секунду и заговорила тем голосом, которым говорила только в эфир, — чистым, без единой запинки:

— «Ориентир», «Стриж» слышит вас. Борт Дальней спасательной службы, капитан Гота. Приём.

Ответ пришёл не сразу. Арви успела посчитать про себя

до двадцати, потом сбилась.

— «Стри-иж»... — протянул голос. В нём было что-то весёлое, даже растянутое на половину слова, веселье пробивалось. — Быстро-о же вы-ы... Мы сигнала дали четы-ыре часа наза-ад... Вы что, за углом стоя-яли?

Кто-то в проёме хмыкнул. Арви узнала Ксана, если он хмыкает, значит не сильно переживает, а это хороший знак, на его настроение часто ориентируется вся команда.

Йона повернулась к Арви. Та кивнула, придвинулась к микрофону и вдруг поняла, что не знает, как это сказать. Вообще-то знала. Расчёт висел на экране у Йоны, все цифры, все сутки. Но одно дело цифры, а другое этот голос, который радуется, что помощь пришла так скоро.

— «Ориентир», говорит Гота, — сказала она. — Мы приняли ваш сигнал девять дней назад — девять дней по нашему времени.

Пауза тянулась дольше прежней. Арви представила, как её слова уходят вниз, сжимаются, превращаются у них в торопливый писк, и кто-то там, у пульта, переспрашивает: что? сколько?

— Девя-ать, — наконец сказал голос. И после ещё одной паузы, уже без смеха, но и не испуганно: — Ну-у... Значит, пока на-аш обе-ед сты-ынет, ва-аш ужин успева-ает проки-иснуть... Ла-адно. Это хорошо, что вы-ы... Я Сэвер Ланг, инжене-ер. Мне сказа-али объясни-ить, что у на-ас...

— Ещё и шутят, — пробормотала Бажена.

— А что им, плакать? — так же негромко отозвался Гвидо.

Сэвер Ланг заговорил быстрее. Это было слышно даже сквозь растяжку: слова у него налезали друг на друга, он не дожидался, пока закончится одна фраза, и начинал следующую, а до «Стрижа» всё это доползало густым медленным потоком, в котором спешка проступала, как пузыри в смоле.

— Шли на сни-ижение по пла-ану... Всё было в но-орме, приливы в преде-елах... А потом на после-еднем витке... кормовой блок... сорва-ало прили-ивом. Он вы-ынесен на ферме, ферма дли-инная, разница в тяге по длине... Я счита-ал, что запа-ас есть. Его не бы-ыло. Блок ушё-ёл вниз. Мы ви-идели, как он... — Пауза. — Ну, неважно, как он. Теперь сиди-им на орбите. Устойчивой. Пока-а устойчивой. Ниже нельзя-я, выше нечем. Манёвровые есть, на корре-екцию хватит, на подъём нет...

— Корпус, — сказала Бажена. Громко, на всю рубку. — Спроси его про корпус. Где ферма крепилась.

Арви спросила. Ждать пришлось долго, и все это время Бажена стояла, сжав кулаки так, что болтающиеся рукава костюма подрагивали.

— Узел крепле-ения выдран, — протянул Сэвер Ланг. — Вме-есте с куском обши-ивки. Кормовой отсе-ек загерме-етизирован, пере-еборка держит. Трещин по сило-овому набору... не ви-идим. Но мы не всё мо-ожем посмотреть...

— Не видят, — повторила Бажена и развернулась к Гвидо

всем корпусом. — Слышал? Не видят. Узел выдрали с мясом, а они трещин не видят. Там продольные балки сходятся в этот узел, все четыре. Если его выдрало, балки тянуло. Да они точно треснули, я тебе говорю. Ну может, не насквозь, но треснули.

— Ничего ты мне не говоришь, — сказал Гвидо, и голос у него поднялся сразу на полтона. — Ты гадаешь. Исследовательский корпус, не рудовоз. Им запас кладут на всё. Они к дыре шли, Баж, к дыре! Думаешь, они не знали, куда идут? Набор там двойной, если не тройной.

— А двигатель на ферме они тоже с тройным запасом вешали? Он же сказал, считал — был запас, а запаса не было!

— Двигатель — это ферма, а не набор! Ферма тонкая, её и сорвало, потому и сорвало, что она первая поддалась. Набор целый, раз переборка держит. Если бы балки повело, переборку бы перекосило.

— Не сразу! — Бажена почти кричала. — Не сразу, Гвидо!

Ленни тихо фыркнул и тут же уставился в свой пульт с таким видом, будто ничего не было.

Арви слушала их и не останавливала. Ей самой было бы нечего сказать, а их перепалка была лучше всех молчаний, сколько их ни набралось за эти сутки. Они не спрашивали, страшно ли им, не говорили про девять дней и про четыре часа как про чудо — спорили о балках, о том, где сходится набор, и в этом споре чужой корабль у самого горизонта вдруг стал обыкновенной работой, которую надо сделать, а

значит, её можно сделать.

Тобиаш у неё за плечом переступил с ноги на ногу. Она обернулась. Он смотрел на механиков, потом перевёл взгляд на неё и выразительно задержал, будто спрашивая: ну? Будешь это прекращать?

Арви чуть качнула головой. Нет.

Фриша тем временем отлепилась от пульта, подобралась к Йоне и что-то зашептала, показывая пальцем на экран со схемой орбиты. Йона слушала, кивала, потом сказала, не глядя: — Мо-можно, но не сейчас.

Из динамика снова потекло растянутое:

— «Стри-иж»... Вы там... что-то обсужда-аете? У нас тут... ти-ихо. Мы слы-ышим, как у ва-ас кто-то кричи-ит. Быстро-быстро, как пти-ица...

Бажена осеклась на полуслове.

— Это наш старший механик, — сказала Арви в микрофон. — Она интересуется вашим силовым набором.

Пока ответ полз к ним, Гвидо успел шепнуть Бажене: «Птица», — и получил локтем в бок.

— Переда-айте... — дошло наконец, и в растянутом голосе снова было что-то похожее на смех. — Переда-айте ей, что мы тоже-е очень интересуемся... Мы ей все чертежи-и... сбросим. Пусть смо-отрит. Нам-то спешить некуда. — И после паузы, тише, так что Йоне пришлось поднять громкость: — Это у ва-ас время идёт.

Никто ему не ответил. Арви поймала себя на том, что не

может отвести глаз от двух голубых звёзд по разные стороны пустоты, из которых одна была чуть ярче, а другая сплюснутая, и обе настоящие.

— Чертежи пришли, — сказала Йона. — Очень большой пакет, я вытягиваю.

— Давай в машинное, — Бажена уже застёгивала костюм. — Гвидо, пошли. Сейчас посмотрим, кто из нас гадаёт.

— Посмотрим, — согласился Гвидо и пошёл за ней, на ходу натягивая рукав. В проёме он посторонился, пропуская Ксана, и Арви услышала из коридора, уже приглушённо: — ...а если там двойной, ты мне банку должна будешь...

— Какую ещё банку...

Голоса удалились и в рубке опять стало тихо, но это была уже другая тишина. Ленни что-то пересчитывал, а Йона говорила с «Ориентиром» короткими чистыми фразами про частоты и окна связи, Фриша стояла рядом с ней, сунув руки в карманы, и смотрела на кольцо так, словно видела его впервые и оно ей ужасно нравилось.

Тобиаш наклонился к Арви.

— Девять дней, — сказал он вполголоса. — Пока мы подойдём и встанем рядом, у нас пройдёт ещё сколько-то. А у них — минуты.

— Знаю.

— Я к тому, что спешить надо нам, а не им.

— Знаю, Тобиаш.

Он помолчал, потом выпрямился и отошёл к своему ме-

сту. Арви снова повернулась к экрану. Кольцо дрожало, или ей казалось, что дрожит. Где-то внутри него, на самой последней орбите, люди доедали обед, всё ещё тёплый. Вид за окном был пугающий и фантастический, и если бы не обстоятельства, можно было бы любоваться или пугаться, но сейчас это была просто работа.

5. Глава 5

Тобиаш положил планшет на стол экраном вверх, чтобы видели все, и долго ничего не говорил. Арви успела сосчитать, сколько человек набилось в кают-компанию, рассчитанную от силы на десятерых, и сбилась на седьмом. Двое суток без сна делали с ней одну и ту же штуку: цифры начинали жить отдельно от неё.

— Трос не вытянет, — сказал наконец Тобиаш. — Буксиру не хватит тяги. Мы считали три раза.

— Даже четыре, — поправил Ксан.

— Ну или четыре. Он сидит на последней орбите, а ниже всё только падает. Затянуло его знатно. Но чтобы поднять его оттуда, нужно столько тросов, тяги и сил, сколько у нас нет и не будет.

Он говорил ровно, как всегда, только пальцы, придерживавшие край планшета, ни на секунду не расслаблялись. Арви знала этот план целиком, от первого троса до последней поправки. Тобиаш собирал его двое суток, переделывал, снова собирал. Теперь он лежал на столе, мёртвый, и все смотрели на него с той вежливой скорбью, с какой провожают чужую покойницу.

— Значит, остаётся снимать людей и бросать корабль, — сказала Мару.

— Чем снимать? Катер туда спустится, а обратно не под-

нимется. Та же арифметика.

Фриша сидела в углу лавки, подтянув колени к подбородку, и что-то рисовала на салфетке оранжевым маркером. Арви отметила маркер и не стала спрашивать, как он к ней вернулся: Ирма конфисковала его вместе с кофейным концентратом, и кофе во Фрише сейчас явно было больше, чем крови. Двое суток она не уходила из рубки и машинного, ходила за Ксаном, за Йоной, задавала вопросы, на которые никто не хотел отвечать, и глаза у неё теперь блестели, как у человека, только что вынырнувшего из холодной воды.

— А если не вверх? — спросила Фриша, не поднимая головы.

— Вниз мы уже обсудили, — сказал Тобиаш. — Вниз — это насовсем.

— Не насовсем. Не совсем вниз. — Она развернула салфетку и прижала её ладонью к столу. На салфетке была спираль, кривая, как воронка в раковине. — Дыра вращается. И тащит за собой всё пространство вокруг. Как слив в ванне закручивает воду. Вот тут, — она обвела маркером кольцо вокруг центра, — течение быстрее любого двигателя. Стоять на месте там нельзя, хоть сожги всё топливо в Рукаве. Можно только нестись по кругу вместе с ней. Но выбраться оттуда ещё можно.

— Это где же такое написано? — поинтересовался Пиц.

— Везде, где написано про вращающиеся дыры. Слушай дальше. Если внутри этого кольца швырнуть что-нибудь тя-

жёлое назад, против течения, оно упадёт в дыру. А тебя отбросит наружу. Быстрее, чем ты туда влетел. Ты уносишь с собой кусочек её вращения.

Она обвела всех взглядом, ожидая, что сейчас поймут.

— Ныряем катером в эту зону. Забираем людей с «Ориентира». Сбрасываем его реакторный блок против вращения и вылетаем на отдаче.

Первой захохотала Мару, громко, от души, запрокинув голову, и за ней, как по команде, засмеялись остальные. Пиц хлопал себя по колену, Ксан фыркнул в кулак, даже Тобиаш позволил себе выдохнуть что-то похожее на смешок. Не смеялась только Тула, которая вообще редко смеялась, и Йона, глядевшая на салфетку так, будто там было написано что-то мелким шрифтом.

Арви тоже не смеялась. Она смотрела, как Фриша сидит со своей салфеткой посреди этого хохота, не обижаясь и не улыбаясь в ответ, и этот смех неожиданно задел её саму. Не сильно, где-то сбоку, как чужой рюкзак в узком коридоре цепляет локоть. Это было странно. За весь год её почти ничто не задевало.

— Подожди, подожди, — сказал Пиц, отсмеявшись. — То есть дыра нам платит за то, что мы забираем у неё мусор? А, нет. Мы ей отдаём мусор, а она нам сдачу. — Он помахал рукой. — Неважно. Сдача хорошая.

— Сдача отличная, — серьёзно сказала Фриша.

Йона протянула руку и взяла салфетку.

— Я п-посчитаю, — сказала она шепотом, потому что все повернулись к ней.

Ксан молча подвинул к себе планшет Тобиаша, стёр с экрана мёртвый план и открыл чистый лист.

Смех кончился не сразу, а как-то постепенно, по одному человеку. Сначала замолчал Пиц, потому что заглянул Ксану через плечо, за ним Мару, и тогда стало слышно, как гудит вентиляция и как Йона, шевеля губами, пересчитывает что-то на своём планшете. Минут через сорок Ксан откинулся к стене и сказал:

— Работает.

— П-по моим тоже, — сказала Йона. — Если войти вот здесь. И если блок тяжёлый.

— Блок очень тяжёлый, — сказал Тобиаш.

Он больше ничего не сказал, только снова придержал пальцами край стола, на котором уже не было его плана.

* * *

Ночью Арви сидела в рубке над расчётами Ксана и проверяла их в третий раз, хотя давно уже ничего в них не понимала. Цифры расплывались. Ленни спал в откидном кресле у входа, на дежурном пульте мигал зелёный огонёк, и корабль вокруг поскрипывал и гудел на все свои привычные голоса.

Сначала она решила, что это насосы. Звук был низкий, ровный, где-то на самом краю слышимости, и она даже повернулась к вентиляционной решётке, прислушиваясь. Потом поняла, что слышит его не ушами.

Год назад, на Оорт Депоте, голоса приходили толпой, перебивали друг друга, лезли в голову все сразу, как гости на пороге, когда хозяйка только успела открыть дверь. Этот был один. И он не говорил, а тянулся. Одна нота, растянутая так, что в ней можно было разглядеть каждую трещину, будто кто-то запустил запись на самой медленной скорости и ушёл из комнаты. Арви вспомнила голос Ланга по связи, как каждое его слово ползло к ним, проваливаясь в паузы, и подумала, что этот звук пришёл оттуда же. Снизу. Из колодца.

Она сунула руку в нагрудный карман за капсулой, и пальцы нащупали блистер. Вечерняя ячейка была целой.

Арви долго смотрела на неё и потом только ругнулась. Потом положила блистер на пульт рядом с планшетом и не стала выдавливать капсулу. Но только потому, что нота продолжала тянуться, и ей хотелось знать, где она кончится.

Она не кончалась. Прошёл час, может быть больше, а звук всё стоял на одном месте, не выше и не ниже. Арви открыла чертежи «Ориентира», которые прислал Ланг, и долистала до реакторного блока. Там, в одном корпусе с реактором, был помечен отсек машины перехода. Вот он, кристалл. Она смотрела на квадратик с пометкой и чувствовала, как нота словно садится на это место, как птица на ветку.

Йона говорила, что экипаж «Ориентира» пытался уйти слепым прыжком, когда их начало тянуть вниз. Они не смогли, и Арви это знала. Знала и то, что Фриша объясняла днём между делом, когда смеяться уже перестали: для того, кто

смотрит снаружи, падение в дыру никогда не заканчивается. Падающее просто замедляется, замедляется и застывает у края, навсегда.

Реакторный блок полетит в дыру. Вместе с этим квадратиком на чертеже. И эта нота будет тянуться там, на одном месте, пока не остынет всё, что вообще может остыть.

Арви закрыла чертёж и поняла, что у неё дрожат руки. И ещё поняла, что не хочет спать. Впервые за год ей было не всё равно, и это было так громко, что она испугалась сильнее, чем от самой ноты.

* * *

Утром сонная и взъерошенная команда собралась в рубке, кто-то с кофе в руках, кто-то прямо с подушкой. Ксан разложил на экране траекторию: вход, перегрузка людей, сброс блока, выход. Тобиаш стоял у экрана, скрестив руки, и Арви видела, что ночью он тоже не спал, только у него это выжалось в сжатой челюсти.

— Немного меняем план. Перед сбросом снимаем с блока кристалл, — без лишних прелюдий сообщила Арви. — И забираем на катер.

Ксан обернулся.

— Это лишние минуты, капитан. Отсек переходника надо вскрывать, крепления резать. Минут десять, если повезёт.

— Значит, десять.

— Т-там каждая минута — это н-несколько минут здесь, и часы во внешнем мире — тихо сказала Йона. — И топлива

у к-катера почти нет.

— Я знаю, — спокойно реагировала на все аргументы Арви.

— Но ради бога, зачем? Что за внезапные перемены, — почти возопил Тобиаш.

Она ждала этого вопроса всю ночь и всю ночь не могла придумать на него честного ответа. Честный ответ звучал бы так: я пропустила капсулу и слышу, как кристалл поёт одну ноту. После этого её сняли бы с мостика быстрее, чем Фриша рисует спирали на салфетках.

— Это груз Партенита, — сказала Арви. — Без него страховая не заплатит.

— Кристалл исследовательского борта! — Пиц даже при-
встал. — Вы представляете, сколько это граммов? Это не наш контрабандный обломок, это настоящий, чистый, с паспортом. Если Партенит захочет его назад, а он захочет, это... — он зашевелил губами, — это половина долга за камбуз, если не весь.

Фриша ничего не сказала. Она стояла у стены и смотрела на воспаленное... азартом? интересом? страстью? лицо Арви слишком внимательно, не моргая, как смотрят на знакомое лицо в чужой толпе. Арви отвела глаза первой.

— Ты рискуешь людьми ради железки, — сказал Тобиаш.

Он сказал это негромко, но в рубке стало так тихо, что было слышно, как Ленни у входа переложил ногу на ногу.

— Я рискую десятью минутами.

— Там нет десяти минут, Арви. Там есть десять минут здесь и неизвестно сколько у нас на борту, пока они там режут крепления. Мы двое суток собирали этот план из ничего. Ты сама его приняла. А теперь вставляешь в него кусок, который может всех там оставить. Ради страховой?

— Ради денег, которые нам должны, — сказала Арви и сама услышала, как фальшиво это прозвучало.

Тобиаш смотрел на неё долго. Она знала этот взгляд, он смотрел так, когда хотел понять, а не спорить, и ей стало стыдно оттого, что понимать здесь было нечего, вернее, было, но сказать она не могла.

— Я за, — сказала Мару. — Десять минут — это нормально. Я крепления резала и быстрее.

— Ты резала в нормальном пространстве, — сказал Тобиаш.

— Крепление и там крепление.

Тула ничего не сказала. Она сидела на откидном сиденье, держала на коленях шлем и проверяла настройки скафандра на запястье, листая меню одно за другим, медленно, сосредоточенно, как будто всё уже было решено и оставалось только подогнать подачу воздуха.

Все ждали. Арви поняла, что ждут её, и почувствовала, как это ожидание поднимается откуда-то из живота к горлу, горячее, почти радостное. Она не могла вспомнить, когда в последний раз хотела что-то решить, а не просто решала, потому что так положено.

— Снимаем, — сказала она. — Мару и Ксан режут крепления, Тула на перегрузке людей. Йона, пересчитай выход с поправкой на десять минут. И на пятнадцать.

— П-понятно.

Тобиаш опустил руки.

— Это твоё решение, — сказал он.

— Моё, и я за него отвечаю, — быстро согласилась она.

Он кивнул и отвернулся к экрану, к траектории, где теперь появилась новая петля. Больше он ничего не сказал, и это было хуже любого спора.

Арви вышла из рубки в коридор, прижалась спиной к холодной переборке и закрыла глаза. Нота всё ещё тянулась где-то внизу, на самом краю, не громче вентилятора, а сердце колотилось так, что отдавало в висках. Ей было хорошо. Так не было целый год, и она не понимала, откуда это: от решения, от того, что она слышала этот голос, или просто от того, что вечерняя капсула лежала целой на пульте в рубке.

Она вспомнила, как Фриша сидела у смотрового лючка и говорила про яркость, за которую потом платят недель провала. Арви открыла глаза. Блистер был у неё в кармане, она забрала его с пульта, сама не заметив когда.

Дверь рубки отъехала, и в коридор вышла Фриша. Остановилась в шаге, посмотрела на неё и улыбнулась, не весело, а как-то понимающе, будто они только что вместе съели что-то запрещённое.

— Хорошее решение, капитан, — сказала она.

— Иди спать, — сказала Арви. — Ты двое суток на ногах.
— Ты тоже.

Фриша ушла по коридору против вращения, легко, чуть пружиня на каждом шаге. Арви смотрела ей вслед, пока ночные полосы у пола не съели её высокую крупную фигуру, и только тогда заметила, что держит руку на кармане с капсулами и не может её убрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.